

Поспешная женитьба

Автор:

Элизабет Роллз

Поспешная женитьба

Элизабет Роллз

Маскарад – Harlequin

В свои тридцать два вдовствующий граф Питер Дарлстон, богатый, красивый и обходительный, был брачным призом первой величины. Однако первая неудачная женитьба роковой печатью легла на его судьбе. Но долг заставил графа подумать о наследнике. Мисс Фолиот показалась ему привлекательной и умной молодой леди, но несколько их мимолетных встреч ни к чему бы не привели, не случись скандала: родственник девушки, шулер и пьяница, много проиграл Дарлстону и оскорбил его. Скандал произошел при свидетелях, и простить граф не может. Зная, что долг безрассудного повесы разорит семью, Питер сделал мисс Фолиот предложение. А после свадьбы открылись такие обстоятельства, что молодые супруги всерьез задумались, не поторопились ли они с браком...

Элизабет Роллз

Поспешная женитьба

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с

действительными персонажами или событиями случайны.

Глава 1

Беспристрастного наблюдателя можно было бы и простить за утверждение, что в тот прекрасный весенний вечер в залах клуба «Олмак» собралось исключительно светское общество, единое в желании повеселиться от души. Юные леди, одетые с притворной застенчивостью в шелковые платья пастельных тонов, фланировали в окружении денди, облаченных в пышные одеяния. Озабоченные мамы шептались, собравшись группками, каждая уверенная в том, что ее чадо затмевает всех остальных красотой и элегантностью. В общем, сцена представляла собой некоторый интерес для всякого, кто изучает человеческую натуру.

Молодой светловолосый джентльмен, однако, стоял в стороне. Хотя одет он был подобающим образом и с большим вкусом, казалось, что чувствовал он себя в этом окружении несколько стесненным. Он вежливо отвечал на приветствия многих знакомых, на лицах которых читалось удивление, что они видят его в таком месте.

Так или иначе, но почтенный Джордж Кастер пребывал в глубочайшей задумчивости, а в его голубых глазах плескалось беспокойство. С угасающей надеждой и ожиданием смотрел он на входную дверь зала. Было без десяти одиннадцать.

«Если Питер в ближайшие минуты не прибудет, то его сюда уже не пустят, – думал Джордж. – Эти надменные дамы не смягчили своих правил даже для героя Англии, его светлости герцога Веллингтонского, и конечно же не сделают исключения для Питера Огастеса Фробишера, седьмого графа Дарлстонского. Нет, не пустят, несмотря на его красоту и бесспорное обаяние. – Но тут же в голову ему пришло нечто более оптимистичное. – Если он не приедет, то и мне здесь делать нечего, и надо будет поискать развлечений где-нибудь в другом месте и в более дружеской компании. Патронессы вольны деспотично придерживаться правила, что никто не может войти сюда после одиннадцати часов, но у них нет такого правила, чтобы удерживать джентльмена, когда бы он ни захотел уйти».

Мистер Кастер искренне надеялся, что ни одной из шести возвышенных дам, опекающих «Олмак», такая мысль в голову не пришла. Иначе, и Джордж в этом почти не сомневался, они заставили бы светское общество подчиниться такому правилу и только потом отбросили бы его как неуместное.

Слегка удивленный мелодичный голос отвлек его от этих гнетущих раздумий.

– И ты здесь, Джордж! Почему?! Только не говори, что Дарлстон принес нас в жертву этому вечеру!

Кастер обернулся, – мрачное выражение лица уступило место более привычной для него веселой улыбке.

– Боже мой! Каррингтон! Питер и тебя пригласил? Какого черта?! Что он задумал?!

– Похоже, разыграл нас, – ответил виконт Каррингтон. – Не беда. Минут через десять мы сможем пойти и подождать его на улице. Еще пять минут, и не спеша отправимся отсюда на пастбище, более привлекательное.

– Как раз об этом я и думал, – ухмыльнулся Кастер, поправляя светлые локоны. – Ты не знаешь, зачем он нас позвал сюда?

– Не имею ни малейшего понятия... А ты знаешь?

Кастер задумчиво почесал нос.

– Подозреваю кое-что. Видишь ли, я был с ним, когда он услышал о смерти Николаса Фробишера прошлой зимой. Несчастный случай на охоте.

Каррингтон выглядел более чем недоумевающим.

– Ну, знаю. Питер очень страдал тогда. Он любил этого парня. В конце концов, он был его наследником. Но тут не из-за чего сходить с ума... – И тут же произнес вежливым тоном: – Добрый вечер, леди Сефтон. Как приятно видеть вас здесь.

Миловидная дама спокойно улыбнулась ему в ответ и сказала без тени сарказма:

– Вас же, лорд Каррингтон и мистер Кастер, видеть здесь непривычно. А между тем вам следует приходить к нам. Юные леди не должны скучать у входных дверей в надежде обрести партнера по танцам. Я окажу вам услугу и познакомлю с самыми хорошенькими из них. – Ни один мускул на ее лице не дрогнул, выдавая внутреннее веселье, которое, как понимал Джордж, она испытывала, глядя на выражение ужаса на лице виконта. Свой заключительный выпад она сделала с абсолютно бесстрастным лицом: – И конечно же, милорд, я надеюсь, что вы составите мне компанию на ужине. – Она удалилась, смешавшись с толпой, не ожидая ответа на то, что было равносильно королевскому приказу.

– Как я боялся, что хоть одна из них, да додумается! – простонал Кастер.

– До чего додумается? – поинтересовался Каррингтон.

– А, не обращай внимания. Из нас сделали коровьих ухажеров. Давай, поделись своей теорией, а потом мы бросим монету, кому выпадет честь вызвать Питера на дуэль.

Кастер собрался с мыслями и продолжил:

– Итак, Николас умер. Полагаю, ты не знаешь, кто теперь наследник Питера?

– Естественно, не знаю. Я не слежу за дальними родственниками моих друзей. – И, немного помедлив, тоном человека, потрясенного самой такой возможностью, воскликнул: – Боже! Не может быть! Неужели Джек Фробишер?

Джордж кивнул. Каррингтон немного подумал.

– Питер такого не перенесет... Он непременно должен опять жениться. Как бы затруднительно это ни было ему после неудачи с Мелиссой, теперь он должен сделать правильный выбор.

– Будем надеяться, – хмыкнул Джордж. – Думаю, потому мы и здесь. Помочь ему подобрать жену! Или, по крайней мере, оказать моральную поддержку, когда он

сам будет выбирать. И моли Господа, если Он наблюдает за нами, чтобы Питер не надумал жениться на Каролине Давентри!

В этот момент шум удивления прошелестел над толпой, и они увидели, что почти все уставились на входную дверь. Вошел высокий статный джентльмен. Вьющиеся черные волосы были зачесаны по моде, а темно-карие глаза, казалось, обыскивали зал. Через минуту его прямой взгляд остановился на лорде Каррингтоне и мистере Кастере. Улыбка осветила лицо джентльмена, когда он пошел к ним. Это был Питер Огастес Фробишер, граф Дарлстонский, ветеран Пиренейской войны и герой Ватерлоо собственной персоной. Он подошел к друзьям и незаметно подмигнул:

– Как великодушно с вашей стороны, что вы не сбежали! Наверняка и не надеялись, что я объявлюсь?!

– Если бы ты не появился, то у тебя было бы на двоих друзей меньше, – колко ответил Каррингтон.

– Какая крайность! – развеселился граф. – Вы же могли уйти. В самом деле, когда я всовывал свою неустрашимость в карету, мне пришло в голову, что надо просто подождать и вы оба вскоре появитесь. Нет же такого правила, чтобы задержать вас.

Пока его возмущенные друзья пытались набраться храбрости, чтобы спросить, что именно он имел в виду, к ним подошла привлекательная дама лет пятидесяти и похлопала Дарлстона по руке:

– Питер, негодник! Ты-то что делаешь здесь, на ярмарке невест? – В голосе ее слышались глубокая привязанность и любовь, и граф повернулся к ней с радостной улыбкой:

– Тетя Луиза! – Он наклонился, чтобы поцеловать ее в щеку. – Приехал ради удовольствия видеть вас разодетой, как рождественская елка. Не верите?!

– Охотно верю. Как я рада видеть тебя. Вас тоже, Джордж, Майкл. Как же давно это было – вы мальчишками носились по усадьбе, и спасения не было от вашего шума и грязной обуви. – Она улыбнулась своим воспоминаниям.

– Только вчера, леди Иденхоуп, если судить по тому, как хорошо вы помните все наши грехи, – со смехом ответил Кастер.

Леди Иденхоуп не доводилась родственницей Дарлстону, а была лучшей подругой его матери, но любила его и заботилась о нем. И конечно же имела совершенно ясные представления, почему он появился здесь после многих лет.

В свои тридцать два вдовствующий граф был брачным призом первой величины. Чрезвычайно богатый, древнего благородного рода, он к тому же был красив и очарователен, что и легло роковой печатью на его судьбе. Сознывая это, он несколько последних лет избегал респектабельных развлечений, доступных в столицах, и предпочитал проводить время в делах, которые не могли завести его в круг ищущих замужества юных девиц и их мамаш.

– Что ж, приятно видеть вас здесь, – сказала леди Иденхоуп. – Мне надо идти. Я здесь – дуэнья дочери одной подруги и не должна отвлекаться от своих обязанностей. Милая девочка. Она тут нарасхват.

Она растворилась в толпе, а три джентльмена задумчиво смотрели друг на друга. Молчание нарушил Дарлстон, беспечно заявив:

– Что ж, еще раз головой в омут, дорогие друзья! Никаких сомнений – нас здесь без внимания не оставят.

Раз за разом их представляли юным леди, и все как одна казались льстиво угодливыми в стремлении произвести на них впечатление. Большая часть знакомств пришлась на долю Джорджа Кастера и лорда Каррингтона, и им это нравилось. Что касается лорда Дарлстона – все складывалось иначе. Несмотря на то что его представили самой очаровательной мисс Фолиот, он оставался рассеянным. Здесь, в «Олмаке», двенадцать лет назад, он встретил свою первую жену и влюбился до безумия в ее красивое лицо и очаровательные манеры. Теперь он с горечью корил себя за то, что был тогда слишком наивным и не понимал, насколько привлекательны титул, обладателем которого вскоре он должен был стать, и богатство. С усилием он вернулся мыслями из прошлого к своей партнерше по танцу:

– Прошу прощения, мисс Фолиот, я задумался. Так что вы сказали?

– Ничего значимого, – приятно улыбнувшись, ответила ему мисс Фолиот. – Просто вежливые банальности. Не присесть ли нам?

– Конечно. – И он повел ее к креслам.

В самом деле, мисс Фолиот была прелестной девочкой – он это видел. Недоброжелательные матроны сказали бы, что у нее рыжие волосы, хотя они были насыщенно-каштановыми. Тонкие черты лица прекрасно гармонировали с волосами. Широко поставленные серые глаза смотрели на него с наивным удовольствием, а улыбка была восхитительной. Ее фигура была такой, какие ему нравились: стройная, но при этом женственная.

Пока они танцевали, Дарлстон пытался вызвать ее на откровенность, но она мало что сказала о себе, лишь учтиво поддакивала его комментариям. Когда он спросил, нравится ли ей посещать «Олмак», она ответила с энтузиазмом:

– О да, милорд! Очень нравится. Так приятно видеть много новых лиц... И можно танцевать всю ночь!

Из этих слов лорд Дарлстон поспешно заключил, что эта юная леди – не совсем то, что ему надо. Хотя он не хотел жениться на болтушке, но предпочел бы найти леди, которая может добавить в разговор немного больше. Вовсе не желая быть недобрым, он счел, что мисс Фолиот глуповата. Очаровательна, мила, но не в его вкусе!

Закончив танец, он вернул мисс Фолиот ее матери, к которой к этому времени присоединился ее супруг – добродушный джентльмен среднего роста, как и следующий партнер мисс Фолиот. Его Дарлстону представили как мистера Ричарда Уинтона, в котором он сразу распознал консерватора. Мужчины перекинулись парой фраз, потом мистер Уинтон извинился и пошел танцевать с мисс Фолиот.

Дарлстон заметил, что с этим партнером мисс Фолиот болтала весело и без малейшего намека на застенчивость. Наблюдая за парой, ее отец пояснил:

– Мистер Уинтон наш сосед по поместью. Всегда легче общаться со старыми знакомыми.

В ответ Дарлстон улыбнулся, попрощался и пошел искать Кастера и Каррингтона. Джорджа найти оказалось легко – он танцевал там же, где и мистер Уинтон с мисс Фолиот. А через несколько минут Дарлстон нашел и Каррингтона, вежливо слушавшего леди Джерси, еще одну патронессу.

– Дарлстон, драгоценный мой! Поверить не могла, когда Мария Сефтон сказала мне, что ты здесь. Это ты там стоял с мисс Фолиот? Очаровательное дитя. Чуть застенчива! Родители – душки, а вот братец!.. О! Драгоценный мой! Он только наполовину брат. Первая миссис Фолиот умерла совсем молодой, как я полагаю, а через несколько лет Джон Фолиот снова женился. Такое бывает, как ты знаешь, Дарлстон. Ну, я должна бежать. Заглядывайте к нам.

И она запорхала дальше, чтобы скорее информировать все и вся о том, о чем только догадывалась. Дарлстон снова собирается жениться! И очень вовремя! В конце концов, должен же он продолжить свой род. Иначе когда-нибудь придется за графа Дарлстонского принимать отвратительного Джека Фробишера! Кроме того, прошло достаточно времени, чтобы пережить страшную боль из-за того, как с ним обошлась эта нахалка Мелисса. Сбежать с Бартоном! Таким вульгарным образом! Таким же вульгарным, как тот несчастный случай, при котором она сломала себе шею. Хоть избавила его от скандального развода!

Каррингтон и Дарлстон смотрели ей вслед, отчетливо понимая, что она сейчас всем наговорит.

Дарлстон скривился:

– У меня отчетливое впечатление, что леди Джерси знает обо мне все. Вплоть до того, что сегодня привело меня сюда.

– Кого тут обманешь, дорогой мой, – изумился Каррингтон. – Каждый, кто тебя знает, сразу решил эту задачку. Особенно когда увидел тебя с той рыжей чаровницей.

– Какая скукотища! – посетовал Дарлстон. – Это только на словах все так почтенно.

– Но ты этого хочешь или нет? – прямо спросил Каррингтон.

Дарлстон снова вздохнул:

– Только Господь знает, за что я тебя терплю, Майкл. У тебя отвратительная привычка все время быть омерзительно правым. Ладно, вон идет Джордж. Ну как, получил удовольствие?

– Еще какое! – рассмеялся Джордж. – Моя партнерша, мисс Блэкберн, – очаровательная штучка. Если дальше так пойдет, к утру у меня голова закружится от танцев с ней или я останусь с пустыми карманами.

– Ты и с пустыми карманами окажешься, и мертвецки пьяным, если позволишь впечатлительности сбить тебя с пути истинного и завести в пасторскую мышеловку, – съязвил Дарлстон.

Кастер ошарашенно на него посмотрел:

– Меня? В пасторскую мышеловку? Кому я нужен? Я – младший сын, как ты знаешь! Это твой удел, Питер! Мы скоро увидим, как ты влюбишься и шагнешь к алтарю.

– Влюбишься! – взвился Дарлстон. – Ты это серьезно?! Я же говорил вам, что покончил с такой чепухой! Этот брак будет для дела. Если девочка правильно воспитана, чтобы знать свои обязанности, и если нет выраженного противоядия.... – Он замолчал не договорив.

Кастер с лордом Каррингтоном озабоченно переглянулись. Дело, оказывается, обстояло худо: какие надежды мог лелеять этот несчастный на счастливый брак, если так ожесточен? И что тут говорить о бедной девушке, которая примет его предложение!

– Тогда тебе вначале надо бы удостовериться, что избранница безразлична к тебе, – после минутного молчания задумчиво произнес Кастер. – В конце концов, не хочешь же ты обходиться с бедным ребенком так грязно, как когда-то обошлись с тобой. О боже! Леди Сефтон идет сюда. Могу поспорить, она и Питера собирается взнудать.

Приближение леди Сефтон оборвало их разговор, но замечание Кастера достигло цели. Мысль, что он может ранить невинного человека точно так же, как когда-то ранили его, заставила Питера крепко задуматься. До сих пор его будущая невеста была некоей гипотетической, нереальной фигурой. Теперь вдруг она стала личностью, с мыслями, чувствами и, возможно, сердцем, которое можно разбить, хотя лицо и фигура все еще представлялись смутными контурами. Да, Джордж прав: лучше сначала убедиться, что избранница равнодушна к тебе, кем бы она ни была.

* * *

Двумя днями позже леди Каролина Давентри сидела в своей розовой гостиной, уставившись на дверь, которая только что закрылась за пятым утренним посетителем. Обычно томные голубые глаза ее сверкали бешенством, а каждый изгиб женственной фигуры был напряжен от негодования. Ее без снисхождения поставили в положение, когда она была вынуждена сдерживать дикую ярость, пока другая дама, мило улыбаясь, с полной уверенностью говорила ей, что «дорогой Питер» опять намерен жениться.

Ничто не было упущено в рассказе о его появлении в «Олмаке» и танце с мисс Фолиот, а тот факт, что он задержался на несколько минут, беседуя с ее родителями, породил необузданный полет фантазии. И уже пошли слухи, что мистеру Ричарду Уинтону, до сих пор наиболее вероятному кандидату на руку мисс Фолиот, дают от ворот поворот.

Каролина Давентри была неглупа! Она хорошо понимала, что надо делать скидку на фантастические преувеличения, но даже то, что оставалось, ее встревожило. В обществе знали, что последние годы она была любовницей Дарлстона. Ей и в голову не приходило, что он может надумать снова жениться. Казалось, он был вполне удовлетворен ее благосклонностью, и она довольствовалась своим положением. Но если он женится, то, понятно, ситуация изменится.

Пока – все нормально! Во всяком случае, не мог он сразу влюбиться в маленькую жеманную дебютантку. Такое обстоятельство делало задачу Каролины проще. Но действовать надо быстро. Если Дарлстон снова решил жениться, то она не упустит возможности стать новой графиней!

* * *

В то же самое утро лорд Дарлстон решил прокатиться на кобыле, которую купил на прошлой неделе. Каждый раз, когда он собирался на ней прокатиться, что-нибудь отвлекало его. В это утро он устроил все так, чтобы ничто не смогло помешать ему. И в восемь часов утра (неприлично раннее время) уже покачивался в седле ретивой гнедой кобылы.

Подъезжая к парку, Дарлстон с облегчением отметил, что аллеи практически пусты. Никаких экипажей, никаких других признаков, что тут кто-то может узнать его. Ничего удивительного: в такое время большинство аристократов еще не жились в постели после развлечений минувшего вечера.

Кобыла Гризельда нетерпеливо вытанцовывала, желая побегать. В целях воспитания Дарлстон сотню ярдов провел ее спокойным шагом, а потом пустил легким галопом. Он уверенно сидел в седле, отпустив повод, и, как он оценивал, ход ее был впечатляющим: ровным, легким. Единственным недостатком кобылы, если это можно назвать недостатком, была игривость.

«О да! Все мы когда-то были молодыми», – снисходительно подумал он и тут заметил, что к ним стремительно приближается фаэтон, рядом с которым бежит огромная серая собака.

– Господи! – воскликнул он. – Кого это несет в такой-то час?!

Дарлстон пустил кобылу шагом, чтобы не напугать пару, впряженную в фаэтон. Когда экипаж приблизился, он понял, что знает его седоков. Джентльмен, управлявший фаэтоном, вежливо кивнул и проехал бы мимо, если бы Дарлстон не осадил лошадь и не сказал:

– Как поживаете, мистер Фолиот? И вы, мисс Фолиот. Хотя нет нужды спрашивать, выглядите вы прелестно.

– Лорд Дарлстон! Очень приятно! Я не знал, что вы знакомы с... – Мистер Фолиот резко прервал фразу.

– Конечно, я знаком с мисс Фолиот! – ответил слегка недоумевающий Дарлстон. – Она оказала честь танцевать со мной в «Олмаке» два дня назад.

– О! Как же! Конечно, конечно. – Мистер Фолиот окончательно смутился. – Прошу прощения, лорд Дарлстон!

– Не беспокойтесь об этом, сэр. Миссис Фолиот предупредила меня, что у вас дырявая память, – засмеялся Дарлстон. Ему понравился этот простой господин с добрыми глазами. Он повернулся к его дочери: – Надеюсь, в вашей памяти наш танец занял более прочное место. Или у вас столько партнеров по танцам, что ни вы, ни ваши родители всех запомнить не можете?

Она рассмеялась:

– О нет! Лорд Дарлстон, этот танец остался в моей памяти.

Дарлстон заговорил не сразу. Этим утром она была совсем другой. Было что-то в ее глазах... Хотя девушка мило улыбалась ему, создавалось впечатление, что эти большие серые глаза смотрят сквозь него. Стараясь собраться с мыслями, он спросил:

– Смею ли я поинтересоваться, что заставило вас выйти из дому в такой ранний час? Это, должно быть, стоило вам больших усилий после званого вечера, который вы удостоили своим присутствием.

Она засмеялась:

– Но в парке намного приятнее, когда нет посетителей! И еще более приятно, чем в переполненном бальном зале. Кроме того, – она пока зала пальцем на собаку, которая сидела рядом с фаэтоном, – бедняжке Гелерту нужно больше физических упражнений, чем она сможет получить позже, когда надо будет часто останавливаться из вежливости.

– Понимаю, мисс Фолиот. Я в такой час вывел эту безрассудную кобылу по этой же причине.

– Она красавица! Молоденькая еще, – заметил мистер Фолиот. – Как ее кличка?

– Да, она еще молодая. Трехлетка. Купил на прошлой неделе. А кличка – Гризельда. Немного раздражительна.

– Значит, ее неправильно назвали, – улыбнулась мисс Фолиот. – Разве Гризельде не положено быть терпеливой?

– Вы имеете в виду то слезливое создание – из Чосера? – удивленно спросил Дарлстон. Многие молодые леди зачитывались Байроном, но тут он столкнулся с девушкой, которая была знакома со средневековой литературой.

– То есть женщину. Она появляется и в «Декамероне», как вы знаете, – ответила мисс Фолиот. – Приятно встретить единомышленника, который тоже считает ее глупой за то, что она терпела такого отвратительного мужа. Ей следовало прямо сказать ему, что он идиот!

– Пожалуй, мисс Фолиот, – согласился Дарлстон. – Легко могу себе представить, что вы так и сделали бы.

– Я, возможно, натравила бы на него Гелерта, – ответила она.

– Это, пожалуй, быстрее привело бы его в чувство, – усмехнулся Дарлстон. – Ирландский волкодав, да? Никогда не видел такой великолепной особи этой породы.

– Все правильно, – снова мило улыбнулась мисс Фолиот. – А многие люди расспрашивают о его родословной в высокомерной манере, – меня это очень злит.

– Могу себе представить...

Но тут же подумал, что, несомненно, мисс Фолиот сильно отличалась от других девиц. Но не она ли говорила той ночью, что ей нравится танцевать и встречать новых людей?

Он потихоньку надавил на нее:

– Я думаю, той ночью вы покривили душой, мисс Фолиот. Я отчетливо помню, как вы мне говорили, что вам нравится танцевать и встречать новых людей.

И снова он услышал взрыв смеха.

– Боже мой! Неужели вы ожидали, что девушка скажет джентльмену, которого ей только что представили, до чего не любит новых знакомств? Кроме того, как я уже сказала, тот танец был очень приятным.

– Всего лишь вежливая формальность, мисс Фолиот.

– Ничуть, милорд. Вы правда хорошо танцуете, – добавила она тоном великодушной щедрости.

Теперь расхохотался он:

– Это равносильно лести, мисс Фолиот, – и добавил, поскольку Гризельда все время двигалась бочком в сторону: – Мне не следует больше сдерживать нетерпеливую Гризельду. Сэр! Ваш покорный слуга. Мисс Фолиот! Ваш самый смиренный слуга.

Они пожелали ему всего хорошего. Дарлстон приподнял шляпу, прощаясь с мисс Фолиот, и пустил лошадь шагом, продолжив свой путь. Но его не покидали мысли, что ему доставило бы удовольствие снова встретиться с мисс Фолиот. Она была в высшей степени привлекательной молодой леди.

Глава 2

Лорд Дарлстон был излишне оптимистичен, полагая, что ранним утром в парке не будет светских завсегдатаев. По меньшей мере двое видели не только его верховую прогулку, но и разговор с Фолиотами. Пересуды, распространяясь, точно круги по воде, достигли ушей леди Каролины. Она обеспокоилась всерьез, и на очередном балу наговорила мисс Фолиот гнусностей. Мисс Фолиот выглядела крайне недоумевающей. Ко всему прочему леди Каролина заметила возросшую отчужденность своего любовника. И раньше не открывавший своих

чувств, Дарлстон теперь показался ей холоднее и неприступнее. Даже когда он занимался с ней любовью с обычной своей сноровкой и мастерством, мысли его блуждали где-то далеко. Леди Каролина прокрутила в голове множество планов и наконец выбрала способ действий, который предусматривал для начала, что Дарлстон не сможет увидаться с ней наедине длительное время, больше недели.

Первым шагом в ее кампании было составленное в осторожных выражениях приглашение его светлости на ужин однажды вечером. Она понимала, что действовать надо очень осторожно. Дарлстон был не из тех, кем можно управлять. Если он заподозрит, что она интригует, то все будет кончено. Приятный романтический вечер вдвоем, с любимым вином и угощением, по ее мнению, должен был помочь в ее замыслах. Потом, когда он расслабится, она перейдет к следующей задаче: попробует отвлечь его от мыслей о скором браке с молодой прелестницей. Затем останется убедить его, что она была бы ему самой подходящей женой.

Лорд Дарлстон явился в условленный вечер на поздний ужин в приятном предвкушении. У леди Каролины был искусный повар, и она знала утонченный вкус Дарлстона в винах. Сама же она выглядела необычайно соблазнительной.

Дарлстон вошел в гостиную леди Каролины и застал ее в обществе приживалки, мисс Джеймсон, унылого существа лет шестидесяти. Она доводилась кухней покойному сэру Невиллю Давентри и жила в доме лишь для того, чтобы придавать ауру респектабельности хозяйке. В действительности леди Каролина делала что хотела, освобождаясь от опеки мисс Джеймсон, когда ей было надо.

Дарлстон учтиво приветствовал обеих дам, и с особым участием – старую леди:

– Мисс Джеймсон! Как приятно видеть вас. Надеюсь, вы в порядке?

– Я в полном порядке, лорд Дарлстон. А вы? Мы так давно не видели вас.

Ее прервала леди Каролина:

– Да, я уверена, что лорд Дарлстон в порядке, кухня Люси, иначе бы он не пришел. А сейчас мы не станем вас задерживать, вам пора в постель. Спокойной ночи.

Лорд Дарлстон едва заметно нахмурился. Не то чтобы он хотел остаться в обществе мисс Джеймсон, но манера, в какой ее изгнали, покорила его. Леди Каролина его хмурости не заметила. Как большинство эгоцентриков, она не понимала, как можно мириться с неприятной компанией только ради того, чтобы выставить себя в выгодном свете.

Дарлстон подошел к двери и открыл ее, говоря:

– Доброй ночи, мисс Джеймсон. Очень грустно, что вы лишаете нас вашей компании. Возможно, в другой раз мне повезет больше.

Она взглянула на него и криво усмехнулась, выходя из комнаты, и ее тихую реплику слышал только он:

– Не повезет, милорд. Спокойной ночи, и храни вас Господь!

Закрыв за ней дверь, Дарлстон повернулся к хозяйке, которая выглядела немного обиженной.

– Право, Питер, дорогой, не понимаю, почему ты так беспокоишься о ней. Я ее держу, только чтобы предотвратить сплетни.

Дарлстон помолчал, потом сказал с притворной веселостью:

– Доброта ничего не стоит, Каролина, а ее положение приживалки не может быть счастливым.

Каролина не поняла, к чему он клонит, но была достаточно сообразительной, чтобы понять, что в чем-то промахнулась. Она подплыла к нему и обняла за шею:

– О, Питер! Я не хотела быть недоброй к бедняжке Люси! Но последнее время я так мало видела тебя, что хотела, чтобы мы поскорее остались одни.

Голубые глаза Каролины наполнились страстью, когда она почувствовала его руки на своей талии. Ее отклик был немедленный и требовательный.

Дарлстон испытал физическое желание не меньшее, чем она, но, как всегда, какая-то часть его сознания оставалась безразличной.

Через несколько мгновений он осторожно выпустил Каролину из объятий и сказал:

– Может, сначала поужинаем, Каролина? А то, боюсь, насладившись твоим совершенством, я не смогу оценить талант твоего повара.

– Как хочешь, мой дорогой.

Когда они сели за стол, сервированный на двоих, леди Каролина вяло произнесла:

– Знаешь, Питер, если не считать твоего присутствия, Лондон стал ужасно скучным. Так надоело видеть одни и те же лица, слышать одни и те же сплетни! Это переходит все границы!

Дарлстон про себя позабавился.

– Моя дорогая, не думаешь ли ты перебраться в поместье? Боюсь, там тебе покажется еще скучнее.

От такого предположения ее передернуло.

– В поместье?! В такой сезон! Что за нелепая идея! Конечно нет! Я думаю о Париже. У меня там друзья, как ты знаешь. И я уже давно не ездила во Францию. Париж всегда так прекрасен! Тебе положить утенка? – Она решила, что для одного раза сказала достаточно.

Согласившись на утенка и немного спаржи, Дарлстон сам вернулся к этому разговору:

– А что такого можно найти в Париже, моя радость? Новые платья, новые обожатели? Новые сплетни?

Она звонко рассмеялась:

– Конечно, мой дорогой! Все вместе! Но что мы все обо мне? Расскажи, чем ты был так занят, что сторонился меня все эти дни?

Дарлстон насторожился. Последнее, чего он хотел бы, – это довериться Каролине.

– Так, встретился со старыми друзьями, делал кое-что, – уклончиво ответил он. – Сейчас в городе Кастер и Каррингтон. Много времени проводил с ними.

– Я слышала, что вы все вместе были в «Олмаке»? – дерзко спросила она. – Уверена, это самое невероятное место, где можно увидеть любого из вас. И уж тем более всех троих вместе! Вы, должно быть, посеяли такие надежды в сердцах молодых леди и их мамаш! – Она звонко рассмеялась и, пригубив вина, осторожно наблюдала за его реакцией.

Дарлстон нахмурился, и Каролина тут же сменила тему:

– Как поживают мистер Кастер и лорд Каррингтон?

– Неплохо. Каррингтон уехал в Бат на несколько дней. Там учится в школе его младшая сестра. Она приболела немного.

– Бедное дитя, – притворно вздохнула леди Каролина, радуясь тому, как хорошо, что одного из закадычных дружков Дарлстона нет в городе. Вдвоем Кастер и Каррингтон могли бы помешать ее планам.

До конца ужина она поддерживала разговор на нейтральные темы. А когда Дарлстон потянулся за графинчиком с бренди, встала и сказала с улыбкой:

– Извини меня, я ненадолго.

– Постарайся возвратиться быстрее, – произнес он, тоже вставая. – Уверен, ты не заставишь меня ждать!

Проводив Каролину до двери, он вернулся к столу и налил себе бокал прекрасного старого бренди, который припас еще покойный сэр Невиль.

Благоговейно поцеживая янтарную жидкость, он обдумывал предложение Каролины посетить Париж. Дарлстон подозревал, что главная причина, по которой ей скучно в Лондоне, в том, что ее незаметно, но бесповоротно изгнали из большого числа влиятельных общественных заведений. Каролина была неосмотрительна с парой своих любовников, и даже поговаривали, что она ублажала джентльменов в своем шотландском доме еще во время траура по мужу. Патронессы «Олмака» дали ясно понять, что ей обращаться к ним за поручительством бесполезно. Естественно, открыто ничего сказано не было, но леди Каролина и не рискнула бы обратиться к ним. Не хватало еще быть изгнанной публично! Хотя она заверяла, что такие развлечения не в ее вкусе, Дарлстон не сомневался, что она хотела бы получить право входа пусть для того, чтобы с презрением отвергнуть его. Очевидно, что в Париже, где ее не так хорошо знают, у нее будет иная репутация.

Превосходный бренди возбуждал другие мысли и в значительной мере умерял пыл графского нетерпения в затянувшееся отсутствие леди Каролины. Ему в голову не приходило, что она умышленно распаляла его до крайности, давала время обдумать ее планы. Зато посетила мысль, что, если Каролина скроется в Париже, ему будет чертовски неудобно и лень тратить усилия, чтобы обзавестись новой любовницей. Ему даже думать было противно о какой-то другой кандидатке, которая могла бы занять место Каролины в случае ее отъезда. Он не питал иллюзий относительно чувств Каролины к нему. В Париж она может поехать одна, но вряд ли одна вернется.

Дарлстон уже стал забавляться идеей поехать за ней, но тут Каролина вошла в комнату. Свое элегантное платье из темно-голубого атласа она сменила на воздушное одеяние из розовой вуали. Не было сомнений, что под вуалью на ней ничего нет.

Леди Каролина подплыла к дивану и села, призывно улыбаясь. Вуаль распахнулась, обнажая красивую белую ногу; Каролина не потрудилась прикрыть ее. Не сводя глаз с ее лица, Дарлстон подошел к дивану, но леди Каролина видела напряжение в каждой линии его атлетического тела. Он встал рядом, с нарастающим вожделением глядя на сладострастные изгибы ее тела.

– Как тебе нравится мое новое платье? – проворковала она.

– Очень нравится, моя радость! – ответил он. – Но я оценю его вполне, если сниму с тебя.

* * *

Дарлстон возвратился домой в четыре утра и спал до полудня. Только в полдень звонок хозяина вызвал из комнаты прислуги камердинера, мистера Фордхэма. Камердинер застал его светлость полностью одетым и терпеливо ожидал, пока хозяин расправлял галстук, не мешая такой деликатной и ответственной операции. Дарлстон взглянул на него через зеркало.

– А, ты уже здесь, Фордхэм. Доброе утро или, точнее, добрый день.

– Добрый день, милорд. Надеюсь, вы, ваша светлость, приятно провели вечер, – вежливо ответил Фордхэм.

Длинные сильные пальцы замерли на изгибе галстука, а карие глаза снова посмотрели через зеркало.

– Очень приятно! – серьезно ответил граф.

– Рад слышать, милорд. Могу ли я напомнить вашей светлости, что на это утро был запланирован визит к леди Иденхоуп?

– Хорошо, Фордхэм. Ты, случайно, не послал леди Иденхоуп записку?

– Конечно, милорд. И вот что она прислала в ответ. – Он протянул запечатанный конверт.

Дарлстон сломал печать и прочел вложенное послание.

«Мой дорогой Дарлстон!

Я воздержусь и не стану расспрашивать Вас, как Вы развлеклись этой ночью, при условии, что Вы проявите доброту и согласитесь сопровождать меня этим вечером. Моя маленькая протеже нездорова, а милорд уехал в поместье, так что у меня нет компаньона, чтобы посетить концерт на Ганновер-сквер. Я знаю, что

Вы любите музыку, а программа на этот вечер замечательная – только Моцарт. Если Вы чувствуете, что в состоянии вынести мою компанию, то я буду рада видеть Вас этим вечером.

С любовью, Луиза Иденхоуп».

Дарлстон ухмыльнулся. От леди Иденхоуп он не стал бы скрывать, где провел прошлую ночь.

– Отправь посыльного сообщить леди Иденхоуп, что я с удовольствием буду сопровождать ее этим вечером, – сказал он камердинеру.

– Очень хорошо, милорд.

Дарлстон получил удовольствие от вечернего концерта. Общество леди Иденхоуп было ему приятно, он с удовольствием откинулся на спинку кресла и слушал музыку.

Во время антракта он оставался с леди Иденхоуп, и они делились впечатлениями.

– Виолончелист иногда выбивается, Питер, – заметила она и поняла, что он ее не слушает.

Дарлстон смотрел на даму, которую леди Иденхоуп уже заметила из-за странной одежды. Вся в черном, даже лицо скрыто под черной вуалью, дама эта сидела на два ряда впереди и немного правее. Ее сопровождала молодая служанка, и во время антракта эта дама ни с кем не разговаривала. Присмотревшись, леди Иденхоуп пришла к заключению, что женщина молода и черный цвет только подчеркивал стройность ее фигуры.

Дарлстон смотрел на нее неотрывно, пока спутница не подтолкнула его легонько локтем и не спросила:

– Ты знаешь эту девочку?

– Что? О, извините, тетя Луиза! Я отвлекся.

– Я заметила, – проворчала она. – Ты знаком с этой юной леди?

– Не уверен, но думаю, я знаю, кто это, хотя в жизни не догадался бы, почему она так одета.

– Да, очень странно, – согласилась леди Иденхоуп. – Ну вот и оркестр. Хватит болтать.

Они сели удобнее, чтобы насладиться двумя последовавшими симфониями. Вторая симфония была последним сочинением Моцарта в этом жанре. Дарлстон раньше ее не слышал и был ошеломлен мощью музыки, особенно в заключительной части. Когда оркестр смолк, Дарлстон почувствовал, что хочет вскочить и кричать, как мальчишка, но ограничился энергичными аплодисментами.

Стройная леди в черном, казалось, переживала те же чувства. Она подалась вперед, горячо аплодируя, и Дарлстон все больше убеждался, что знает ее.

Когда публика двинулась к дверям, Дарлстон, повернувшись к леди Иденхоуп, сказал:

– Извините меня, тетя Луиза. Я на минутку. Мне надо переговорить с той леди.

– Конечно, Питер. Я подожду тебя здесь.

Дарлстон пробился сквозь толпу, раскланиваясь со знакомыми. Дама в черном сидела на своем месте, ожидая, когда рассеется толча. Многие мужчины бросали на нее любопытные взгляды, но никто не решался заговорить. Она не замечала Дарлстона, пока он не сел в соседнее кресло и не сказал:

– Добрый вечер, мисс Фолиот. Понравился вам концерт?

Несколько голов резко повернулись, когда услышали, как он назвал имя загадочной леди. Она испуганно охнула. Все, что он мог видеть под черной вуалью, – это испуг и оцепенение. Он изрядно удивился:

- Простите. Я не хотел вас напугать.

Она секунду поколебалась и спросила:

- Вы лорд Дарлстон, не так ли?

- Да, так. Хотя я удивлен, что вы видите хоть что-то через эту вуаль.

- Но я... - Она помолчала, видимо собираясь с духом, потом ответила с притворной веселостью: - Ах, милорд, из-за вас я проиграла пари.

- Мисс Фолиот, я самым смиренным образом прошу простить меня. Но какое пари? - удивленно спросил он.

- Такое, что меня никто не сможет здесь узнать! Я думала, что это невозможно. И все-таки сомневаюсь, что кто-то еще меня узнал, - наконец рассмеялась она.

- Уверен, никто не узнал. - Дарлстон смущенно кашлянул. - Моя спутница, леди Иденхоуп, точно не узнала. Но боюсь, я разрушил всю вашу игру, окликнув вас так громко.

Она пожала плечами и сказала:

- А теперь это уже не имеет значения. Вам понравился концерт?

- Да, очень понравился. Особенно последняя симфония. Я не слышал ее раньше.

- Вот как? Я однажды слышала. Думаю, это мое самое любимое сочинение Моцарта. Заключительная часть - так и слушала бы без конца.

- Да, заключение действительно великолепное, - согласился он. - А что, в частности, вам в нем понравилось?

Она задумалась.

– Пожалуй, мелодии. Как он согласовал их все, особенно в конце коды, где они как бы кувыркаются одна через другую. Прямо самой хочется бегать и прыгать. Это позволяет мне забыть... – Она замолчала на полуслове.

– Забыть? – с любопытством спросил он. – Что может юная девушка хотеть забыть?

– О, ничего особенного, милорд, – поспешно ответила она. – Я должна идти. – И повернулась к служанке: – Анна?..

– Все уже разошлись, мисс. Только его светлость и леди, которая его ожидает.

Дарлстон растерялся. Желая продолжить эту случайную встречу, он спросил:

– Позвольте леди Иденхоуп и мне проводить вас до дому. Уверяю, мы не доставим вам неприятностей.

Она решительно покачала головой:

– Спасибо, милорд, но меня ждет экипаж.

Чувствуя, что она хочет остаться одна, Дарлстон не стал настаивать.

– Тогда мне остается вернуться к леди Иденхоуп. Доброй ночи, мисс Фолиот. Очень приятно было встретить вас так неожиданно. Пожалуйста, передайте мои наилучшие пожелания вашим родителям и, естественно, вашей собаке.

– О! Гелерт! Даже я не рискнула бы взять его на концерт! Доброй ночи, милорд! Раз уж мне суждено было проиграть пари, я рада, что это из-за вас.

– Вы очень любезны, мисс Фолиот. Доброй ночи!

Дарлстон вернулся к леди Иденхоуп, которая наблюдала за происходящим с явным удивлением.

– Ну вот, теперь пойдут сплетни. Это и в самом деле мисс Фолиот? – спросила она, когда они вышли на Ганновер-сквер.

Дарлстон не успел ответить, потому что из экипажа, стоящего неподалеку, раздался мужской голос:

– Привет, Дарлстон! Так это мисс Фолиот? Очаровательная девушка! Как раз для тебя!

Дарлстон поморгал в ответ на дружеское замечание лорда Варбоу, который понимающе подмигнул ему и крикнул своему кучеру:

– Гони, а то я замерз до смерти!

Экипаж загромыхал по мостовой, а Дарлстон смотрел ему вслед.

Еще несколько знакомых Дарлстона продолжили дело, начатое лордом Варбоу, отпустив несколько незлобивых, но бестактных шуток.

К тому времени как Дарлстон доставил леди Иденхоуп к ее дому, он уже знал способ положить конец сплетням и догадкам хотя бы на время.

* * *

Пять дней спустя леди Каролина Давентри уехала в Париж. А еще через три дня появились достоверные сообщения, что лорд Дарлстон находится на пути в Дувр, чтобы сесть на следующий пакетбот. Светское общество принялось обсуждать эту новость, забыв домыслы о том, что Дарлстон волочится за очаровательной мисс Фолиот. А для собственного увеселения запустило и другие сплетни.

Лорд Каррингтон вернулся в город, покачал головой и сказал Кастеру:

– На следующий сезон будет то же самое! Если только этот безмозглый болван не вобьет себе в голову, что должен жениться на Каролине Давентри!

Потрясенный, Джордж оторвал взгляд от «Ведомостей»:

- Не думаешь ли ты, что она так сильно его прихватила?!

Каррингтон цинично взглянул на него:

- Могу спорить, что именно этого она и хочет. Что касается Питера, он, кажется, думает, что все женщины одинаковы. С таким отношением он бог знает что может натворить.

- Боже милостивый! - воскликнул Кастер, глядя в газету.

- Что там?

- Мистер Фолиот погиб в дорожном происшествии.

- Боже! Беда какая! Молодой Джеффри - совсем еще слабак. Он вмиг спустит все наследство. Вот горе-то для мисс Фолиот. Я уверен, что она любила отца.

- Грустно все это, - кивнул Джордж. - Надо подождать, пока вернется Питер. Тогда посмотрим, что будет. Ехать за ним смысла нет. Он только взбесится.

- Я бы не стал винить его за это. Ему тридцать два, и он сам должен уметь позаботиться о себе. Даже притом, что временами он ведет себя как осел.

Глава 3

Дарлстон провел все лето и большую часть осени во Франции, усугубляя тем самым озабоченность друзей. После продолжительной остановки в Париже, откуда приходили сообщения о том, что лорд совершенно запутался в сетях леди Каролины, он посетил серию домашних вечеринок в разных загородных замках, которые также были отмечены присутствием английской красавицы леди Каролины Давентри.

Наконец в последних числах октября Джордж получил короткую записку из поместья Дарлстона, в которой говорилось, что благородный хозяин вернулся и был бы искренне рад принять у себя адресата, как только тому будет удобно. В конце было просто приписано: «Каррингтона я тоже пригласил, и надеюсь, что вы оба погостите у меня. До Рождества, если хотите. Извини, что был таким негодным корреспондентом. Дарлстон».

Джордж с облегчением вздохнул. Казалось, его светлость не имел безотлагательных планов насчет Каролины. Он ни за что не оставил бы в это время года Дарлстона одного. Еще мальчишкой он два раза проводил Рождество в семье Дарлстон и знал, что Питер в это время чувствует себя особенно одиноким.

Таким образом, он и Каррингтон направились в поместье Дарлстонов, строя тайные замыслы, как удержать Питера подальше от беды. Все прошло хорошо, и, когда шесть недель спустя Каррингтон уехал к сестре и к матери в Бат, Джордж увез Питера к лорду и леди Фэффорд, чтобы провести каникулы в их молодой семье.

Джорджу показалось, что, когда Питер в конце января вернулся в свое поместье, с него схлынула желчность и он был в большей мере самим собой, чем предыдущей весной. В начале апреля дом Дарлстона на Гроуэноу-сквер превратился в копошащийся муравейник, готовившийся к приезду хозяина.

Лорд Дарлстон стал веселиться, не выказывая и намека, что ему это может быть в тягость. Он достаивал своим присутствием ярмарку невест и прилежно танцевал со всеми миленькими дебютантками, но никто не заметил и признака, что какая-либо из них привлекла его больше, чем другие. Но много ли надо, чтобы подтолкнуть мужчину к опрометчивым поступкам!

Так, однажды под вечер в конце мая он сидел в своем кабинете и лениво почитывал отчет из поместья, когда его прервал дворецкий.

– А, Медоуз! Что случилось?

Дворецкий покашлял, как бы извиняясь:

– Прошу прощения, что побеспокоил, но некий господин хочет видеть вашу светлость. Очень настырный. Говорит, что останется в холле, пока не увидит вас. Он ужасно взволнован из-за чего-то, что касается вашей светлости, и не доверяет никому, чтобы передать сообщение. Даже имени своего не называет!

– О боже! Как мелодраматично! Хоть приличный с виду этот господин?

– Очень приличный.

– Хорошо, Медоуз, впусти эту таинственную персону, – распорядился Дарлстон.

Он откинулся в кресле, ожидая визитера и сгорая от любопытства. Вскоре перед ним стоял прилично одетый джентльмен лет сорока.

– Добрый день, мистер... э...

– Если это не обидит вашу светлость, я бы не хотел связывать это со своим именем, – медленно сказал джентльмен. – Только скажу, что я работаю редактором в «Ведомостях». Часа два назад это принес мне один из моих парней. – Он показал конверт со сломанной сургучной печатью.

– Продолжайте, – подбодрил его Дарлстон. – Внимательно вас слушаю.

– Да, милорд. Парень этот очень наблюдательный, и он сказал, что леди, которая принесла его, выглядела весьма взволнованной и задавала странные вопросы о том, как мы проверяем достоверность объявлений и всего такого. Она будто бы хотела о чем-то предупредить парня. Он взял деньги и выписал квитанцию, как положено, но потом испугался, пришел ко мне и все рассказал. Когда я прочел объявление, решил, что должен непременно свериться с вами. Прочтите сами, милорд. – Он протянул конверт.

Дарлстон развернул объявление и сразу уловил знакомый аромат, которым пропиталась бумага. Он читал, и брови его хмурились. Визитер даже побледнел, когда Дарлстон поднял глаза и спросил ледяным тоном:

– Парень описал, как выглядела та леди?

– Да, милорд. Он сказал, что она в возрасте – лет пятидесяти или шестидесяти. Одета просто. Дала ему шиллинг; и он даже брать не хотел, поскольку решил, судя по платью, что она стеснена в средствах, хотя, несомненно, леди.

Дарлстон помолчал:

– Я благодарен вам и тому парню. Это объявление исходит не от меня, но я буду еще более вам признателен, если никто не узнает, что оно попадало к вам. – Говоря, он залез в ящик стола и вытащил пачку бумажных денег, отсчитал несколько купюр и протянул их визитеру.

Тот поблагодарил и быстро ушел, оставив за спиной самого разгневанного господина во всем Лондоне.

Дарлстон подошел к камину, бросил объявление в огонь, посмотрел, как оно сгорело, и вернулся к столу. Он написал коротенькую записку и позвонил в колокольчик. Когда вошел Медоуз, он передал ему записку и коротко приказал:

– Будь добр, доставь это леди Каролине Давентри немедленно!

Ни слова не говоря, Медоуз взял записку и вышел.

* * *

Сразу после десяти часов вечера Дарлстон вышел из своего особняка, одетый в атласные бриджи и фрак, что говорило о том, что он направляется на бал!

Лакей в ливрее, поспешивший открыть дверь господской кареты, подивился, что могло вогнать хозяина в такое дурное расположение духа.

– Брук-стрит! Захватим мистера Кастера, – последовал короткий приказ, и карета покатила, гроыхая по булыжникам мостовой.

Седок откинулся на подушки, терзаясь горьким разочарованием в «прекрасном поле». Его бросало в дрожь от мысли о предстоящем бале, который он обещал посетить. Орды молодых нескладных девиц, стремящихся поймать мужа....

– К черту их всех! – зло бросил он. – Засяду за карточным столом, буду пить бренди.

Карета незаметно для него остановилась, и послышался веселый голос Джорджа:

– Проснись, Питер, спускайся с облаков.

Дарлстон удивленно посмотрел на открывшуюся дверь.

– Извини, Джордж, задумался.

– Плохая привычка, – пошутил Джордж, влезая в карету. Рассмотрев лицо друга, он обеспокоенно спросил: – Что случилось, Питер? От твоего вида молоко скиснет.

Питер помолчал немного и потом взбешенно выкрикнул:

– Каролина!

– Что, заболела? – уточнил озадаченный Джордж.

– Как же, заболела! Послала в «Ведомости» объявление о нашей помолвке!

От ужаса Джордж потерял дар речи. Наконец ему удалось выговорить:

– Это... значит... мне следует поздравить тебя?

– Поздравляй! К счастью, у редактора хватило ума посоветоваться со мной, прежде чем печатать. Слава богу, удалось предотвратить публикацию.

– Еще кто-нибудь знает об этом?

– Надеюсь, что нет. За исключением старой леди Джеймсон, которая и принесла объявление. Из того, что редактор сказал, следует, что она умышленно заставила их насторожиться.

Джордж задумался.

– Мне кажется, если леди Каролина уже раструбила, что будет такое объявление, а его не последует, то она выставит себя полной дурой.

– Вот и хорошо.

– Ей это не понравится, Питер.

– И не надо, чтобы нравилось. Я предусмотрительно послал записку, в которой сообщил, что после исключительно интересного разговора с редактором «Ведомостей» завтра возвращаюсь в поместье и видеть ее больше не желаю!

– О-о-о! – Джордж переварил новость, что Питер безвозвратно порвал с любовницей, и осторожно сказал: – Может, оно и к лучшему.

– А я в этом уверен! Сегодня праздную. Карты, кости, бренди – вот планы на вечер. И будь они прокляты, все женщины! Только вот незадача: мне надо жениться! Каролина это знает. Но если она думает, что ребенок от нее может унаследовать больше, чем мой отвратительный кузен Джек!..

С этим заявлением Джордж был полностью согласен. Выходит, Каррингтон был прав! Нет сомнений, что она ловко завлекла Питера, чтобы вместе провести эти месяцы во Франции. Но возвращение Дарлстона в поместье, потом поездка к Фэфордам на всю зиму, должно быть, довели ее до отчаяния. И Каролина решила рискнуть.

Проблема, по мнению Джорджа, заключалась в том, что Питер был крайне низкого мнения о женщинах и при этом имел редкий талант выбирать самых недостойных из их числа. Сначала Мелисса, потом Каролина.

Надеясь сменить тему разговора, Джордж осторожно сказал:

– Утром получил письмо от сестры. Опять ждут прибавления. Надеются, что будет девочка. Говорит, три мальчика подряд – это чересчур. Она и Фэфорд приглашают меня к себе. Я бы не против, если бы ты поехал со мной. Не возражаешь на ка кое-то время отлучиться из Лондона?

Питер помедлил, прежде чем ответить.

– Спасибо, Джордж. Я присоединюсь к тебе позже. Вначале мне надо побыть в имении одному. Подумать. Вредная привычка, как ты говоришь, но сейчас надо. Я же должен жениться, но не хочу налететь еще на одну Мелиссу!

– Естественно, нет. Тебе что, ни одна из дебютанток не приглянулась?

Питер цинично рассмеялся:

– Нет. Все они обожают мое богатство и титул.

Джордж немного подумал.

– Ладно, тогда мой тебе совет: женись на первой же подходящей девочке, с которой у тебя сложится умный разговор.

Питер хохотнул:

– Я встречал одну такую и только что подумал о ней. В прошлом году. Сестра молодого Фолиота. Как звать, не могу вспомнить. Не видно ее в этом году.

– Так у них отец внезапно умер в прошлом году. Несчастный случай. Я и Каррингтон в «Ведомостях» читали. Они в трауре, наверное, еще, – задумчиво протянул Джордж.

– Слышал, молодой Фолиот ведет себя как обычно. Не соблюдает никакого траура.

– Фолиот, может, и нет, – с отвращением сказал Джордж. – Бездельник. Если не угомонится, то скоро промотает все наследство.

Разговор их прервался, когда они подъехали к дому леди Биллингем, вылезли из кареты и влились в толпу гостей, поднимавшихся по лестнице.

Для Дарлстона вечер оказался удачным. Начал он его с пикета, играя с Джорджем по символической ставке.

Потом Джордж ушел, а Дарлстон направился к залу в поисках развлечений. Кто-то хлопнул его по плечу.

– Привет, Мандерс, – сказал он, узнав приятеля по Пиренейской кампании, – сыграем в пикет?

Его приятель отказался не задумываясь:

– Не с тобой, Дарлстон. Даже когда пьян, ты играешь в более высокой лиге, чем я. Тебе со мной неинтересно. Но я не возражаю бросить кости.

– Как хочешь, старина.

Мандерс улыбнулся:

– Еще бы пару человечков, чтобы оживить нашу игру, как думаешь? Здесь твой кузен Фробишер с приятелем. Может, пригласим?

Последним человеком на свете, с кем Дарлстон стал бы играть в кости, был его кузен Джек Фробишер, но он ответил вежливо:

– Как пожелаешь, старина!

Он кивнул Фробишеру и сказал:

– Добрый вечер, кузен. Мы с Мандерсом собираемся сыграть в кости. Не составишь ли нам компанию со своим другом?

Он внимательно посмотрел на приятеля Фробишера. Молодой человек кого-то смутно напоминал: прилизанные соломенные волосы, подбородок, который доброжелатель мог бы назвать слабым. Дарлстон покопался в памяти. Ну конечно, молодой Фолиот! Не обнаружив ни малейшего намека на то, что молодой человек в трауре, он осторожно спросил:

– Слышал, что вы недавно потеряли отца, но полагаю, это только слухи?

– Нет, милорд, правда. Но я не вижу смысла во всех формальностях траура, если всему свету известно, что мы не горюем.

Дарлстон прокрутил свою память назад. Он был лишь поверхностно знаком с Джоном Фолиотом, но тот помнился ему добрым человеком с хорошим чувством юмора. Он вспомнил, что последний раз видел старого Фолиота, когда тот катался с дочерью в Гайд-парке.

Все верно! Теперь он вспомнил все! Он танцевал с бойкой девочкой в «Олмаке», а потом разговаривал с ней в парке... И еще встретил ее на концерте. Рыжие волосы, серые мечтательные глаза. Тогда ему показалось, что недостатка в теплых чувствах между отцом и дочерью не было.

Тонем, который был лишь немного слабее, чем прямой укор, он сказал:

– Тогда, быть может, вы будете так добры передать мои соболезнования вашей сестре, мистер Фолиот? Уверен, она относилась к отцу с уважением и любовью. Теперь давайте играть. У меня с собой мой набор.

Фолиот покраснел от злости, но толчок локтем Фробишера привел его в чувство, и он сел за стол с тремя другими игроками. Дарлстон положил на стол кости, и игра началась.

Сначала везло Фробишеру. Кучка гиней медленно росла перед ним, к досаде его друга Фолиота, который все время ворчал. Наконец уставший от его непрекращающегося нытья Дарлстон лениво заметил:

– Кузен, своим успехом ты обижаешь своего друга, мистера Фолиота. Так настоящие друзья не поступают!

– Может, и не поступают, – последовал беспечный ответ. – Но игра потеряла для меня всякий интерес. Может быть, вы извините меня? – Фробишер встал, грациозно поклонился и ушел вместе с выигрышем.

За столом осталось три игрока, и госпожа Фортуна решила повернуться лицом к мистеру Фолиоту. Подбодренный такой благосклонностью и количеством принятого шампанского, он стал опрометчиво взвинчивать ставки.

– Ставки удваиваются, джентльмены! – за явил он в очередной раз.

Дарлстон невозмутимо кивнул, но Мандерс отрезал напрямик:

– Это слишком высоко, Фолиот. Не валяй дурака, всю ночь не может везти. Особенно если это тебе не по карману. Я выхожу. – Он встал. – Извини меня, Дарлстон. Позднее увидимся.

– Спасибо за игру, Мандерс, – улыбнувшись, дружелюбно ответил Дарлстон и, обратившись к мистеру Фолиоту, улыбнулся: – Значит, по пятьдесят за бросок?

Игра продолжилась, но госпожа Фортуна, по-видимому, была оскорблена поведением Фолиота и стала благоволить Дарлстону.

– Идем дальше, мистер Фолиот? – вежливо спросил он.

– Да! Черт побери! Удваиваю ставку! – пренебрежительно воскликнул самонадеянный юнец.

Но удача не сменила направления, и Фолиот вызывающе посмотрел на соперника. Дарлстон ответил спокойным взглядом. Не в его натуре было уклоняться от вызова, но и не по нраву было выигрывать деньги у пьяного молокососа, который определенно не мог позволить себе такого убытка. Неохотно, но он признался себе, что сам спровоцировал Фолиота. Кодекс чести подсказывал, что пора остановиться. Слова уже готовы были сорваться с его языка, когда Фолиот вдруг громко сказал:

– Мне не нравятся ваши кости, Дарлстон!

Гробовая тишина повисла в комнате. Все повернулись к ним. Обвинить Дарлстона в мошенничестве! Это было немыслимо. Его отвага, честь, гордость были общеизвестны. Джордж Кастер, который только что вошел в комнату с Каррингтоном, замер на месте, ожидая, что Дарлстон немедленно вызовет

Фолиота на дуэль.

Но Дарлстон сумел сдержаться, только глаза сверкнули, когда он откинулся в кресле и тихо произнес:

– Вот как, мистер Фолиот? И что же вы намерены предпринять? Мы, конечно, можем разломить кости, но тогда вы будете должны мне новый набор. – И, как бы додумав напоследок, добавил: – И... сатисфакцию тоже. Выбор ваш, мистер Фолиот. Или, возможно, у вас есть свой набор костей, которые мы можем использовать, а потом тоже разломить.

Фолиот опустил глаза.

– Нет у меня своего набора. Я... Должно быть, я ошибся, – запинаясь, проговорил он.

– Тогда продолжим, – любезно ответил Дарлстон.

Присутствующие в комнате утратили к ним интерес, а Джордж Кастер, вместе с Каррингтоном внимательно наблюдавший за происходящим, вздохнул.

– Черт побери, Джордж, – прошептал Каррингтон. – Ты не можешь это как-нибудь прекратить? Фолиот не может себе позволить такого проигрыша. Я согласен, он наглец, но у его сестры и мачехи и так много проблем, не хватает только, чтобы Питер обчистил его и вызвал на дуэль!

Джордж покачал головой:

– Если Питер в таком настроении, никто ничего с ним сделать не сможет!

Игра продолжалась, и проигрыш Фолиота постоянно увеличивался. Лицо его болезненно бледнело. Руки Фолиота дрожали, и бросок получился неловким – кости упали на пол. Он нагнулся, чтобы поднять, немного повертел их и поднялся, покраснев.

– Прошу простить, лорд Дарлстон.

Дарлстон кивнул, разрешая повторить бросок. Фолиот выбросил двенадцать и ликующе взглянул на графа.

Кастер и Каррингтон обменялись испуганными взглядами.

– Ты заметил? – начал Джордж.

– Подождем. Надо убедиться, – прошептал Каррингтон, держа друга за руку.

Они продолжали внимательно следить за игрой. Теперь игра пошла в пользу Фолиота. Кастер и Каррингтон медленно приблизились к столу. Вдруг Каррингтон взял Фолиота за руку:

– Мистер Фолиот, не ослышался ли я: вы сказали лорду Дарлстону, что у вас нет своих костей, когда он предложил вам поменять набор?

– Все правильно! – Фолиот выдернул руку. – В чем дело, Каррингтон? Теперь мне кости нравятся. Просто было недоразумение, верно, Дарлстон?

Дарлстон раздраженно взглянул на Джорджа и Каррингтона, но то, что он увидел на их лицах, заставило его попридержать язык. Снова все в зале повернулись к маленькому столу.

– Ничуть не сомневаюсь, что этими костями вы довольны, поскольку они из вашего кармана! – продолжил Каррингтон. – Не кажется ли вам весьма странным, что удача вернулась к вам сразу после того, как вы уронили кости на пол. Кастер и я видели, как вы их подменили! Позвольте нам расколоть их для вас?

Фолиот схватил кости:

– Да как... Да как вы посмели?! Я не потерплю вашего тона, Кастер! У Дарлстона нет возражений!

Полная тишина установилась во всей комнате. Все с презрением смотрели на Фолиота и с большим интересом на Дарлстона в ожидании его реакции. Его сверкающие глаза, казалось, сверлили дырки в лице Фолиота, но голос был

вежливым, как всегда:

– Думаю, на этом наша игра закончена, мистер Фолиот. Завтра я извещу вас об условиях выплаты вашего долга.

Вперед вышел хозяин, лорд Биллингем, и сказал:

– Боюсь, я должен буду просить вас удалиться, мистер Фолиот, если вы не готовы разломить ваши кости.

Он немного подождал, но Фолиот ничего не ответил. Все так же зажимая в руке кости, он нетвердой походкой пошел к двери. Мужчины с отвращением отвернулись от него.

– Проследи, чтобы он ушел, – приказал Биллингем лакею.

Дарлстон поднялся.

– Какая неприятность, а, Биллингем? – спокойно заметил он. – Прошу меня извинить за это маленькое непредвиденное осложнение. Пожалуй, я тоже поеду. Пожалуйста, прими мои извинения.

– Вздор, Дарлстон! Зачем тебе уезжать? – сказал Биллингем. – Уверен, Кастер и Каррингтон составят нам сейчас компанию в карты! Не стоит обращать внимание на этого маленького жулика.

– Да, конечно, Биллингем, – ответил Дарлстон, снова усаживаясь в кресло.

* * *

Когда Дарлстон добрался до своего дома, было уже четыре часа утра. Он вошел в дом; на маленьком столе стояла зажженная свеча; он взял ее и пошел вверх по лестнице в свою спальню и стал раздеваться. События вечера не могли порадовать, а замечание Каррингтона, сделанное по дороге домой, что тот сомневается в способности Фолиота выплатить долг по проигрышу, просто взбесило его. Если бы не огруженные кости, Дарлстон спокойно простил бы

долг. К несчастью, бесчестье Фолиота стало достоянием публики, и простить долг теперь было невозможно. А предположение Фолиота, что Дарлстон жульничает, злило еще больше. Что ж, если Фолиот не в состоянии выплатить долг обычным способом, он выплатит его иначе.

В этом месте в его затуманенном алкоголем мозгу всплыла проблема с Каролиной.

– К черту Каролину! – выругался он. – Единственный способ избавиться от нее – жениться на ком-то еще. Но на ком? Чего там Кастер говорил? А... жениться на первой подходящей девочке, с которой сложится умный разговор! Хорошо. Значит, на сестре Фолиота. Черт! Как же ее зовут? Кажется, Феба!

Но точно он не помнил. Тут ему пришло в голову, что события ночи обернутся для нее большими неприятностями. Это его обеспокоило – она каким-то странным образом привлекала его. Обычно молодые девицы казались ему скучными, но эта обладала чувством юмора, которое нравилось ему. Не в тот раз, когда он танцевал с ней в «Олмаке», но в парке и на концерте, когда она была совершенно другой. И еще, у нее такая необычная собака!

Он было лег в постель, но тут ему в голову пришла еще одна мысль. Для его замутненной алкоголем логики она казалась совершенно благоразумной, хотя тоненький докучливый трезвый голосок все же предупреждал, что торопиться не следует. Он загнал этот голосок подальше и сосредоточился на пришедшей в голову мысли. Потом надел халат, сел за письменный стол, написал коротенькое письмо, кивнул и запечатал.

– Вот это будет трюк! – торжествующе воскликнул он. – Отправить немедленно!

Нетвердо стоя на ногах, он спустился по лестнице и положил письмо на столик для почты.

Почувствовав удовлетворение, он вернулся в постель, уверенный, что решил все проблемы, и самым благоразумным образом. Идея казалась такой ясной, логичной, что, хоть убей, он не видел в ней никакого недостатка, – обстоятельство, которое надо отнести на счет огромного количества выпитого бренди.

Никогда, даже в трезвом состоянии, лорд Дарлстон не мучился из-за принятых решений и потому спокойно погрузился в сон, подумав лишь о том, чем ему поправить голову, когда проснется.

Глава 4

Мисс Феба Фолиот и ее сестра Пенелопа в платьях из скромного серого муслина сошли с террасы и направились к розарию. Их сопровождал огромный ирландский волкодав. Корзина, висевшая на руке Фебы, говорила, что они намереваются нарезать цветов. Воздух раннего утра был напоен ароматом роз, а безоблачное небо обещало хороший день.

– Это самое лучшее время дня! – глубоко вздохнув, сказала Феба. – Ни души вокруг, только мы и солнце.

– С мистером Уинтоном утро было бы еще лучше, – весело отозвалась Пенни. – Уверена, ты и солнца не заметила бы, не говоря уж о нас с Гелертом!

– Ой, Пенни! Он такой замечательный! – вспыхнула Феба, отбросив все попытки выглядеть по-светски гордой. – Интересно, зачем он сегодня придет к маме? Может, сделать предложение, как думаешь?

– Не могу сказать, я не его доверенное лицо, – улыбнулась Пенелопа. – Но похоже, что да! Даже мама так думает. – И она страстно обняла свою сестру-двойняшку.

Воспоминание о смерти отца на несколько минут оборвало их разговор, и они молча срезали розы. Молчание нарушила Пенелопа:

– Я уверена, он давно бы уже поговорил, но думает, что это было бы дурным тоном. Придется тебе подождать до окончания траура. Немножко осталось – месяц всего.

– Джефффри из-за этого не отказывается от удовольствий жизни, – с негодованием заметила Феба.

– Потому что он считает, что есть намного больше доводов для скверных поступков и азартной игры в каждом зале города, чем для пристойного поведения, – вздохнула Пенелопа. – Мама очень беспокоится. Она не может повлиять на Джеффри. Даже папа мало что мог, а теперь его совсем ничто не сдерживает.

– Лучше бы он приходил домой, – сказала Феба. – То есть ничего хорошего, потому что он отвратителен, но тогда мы, по крайней мере, знали бы, что он вытворяет.

Пенелопа ответила не сразу. В корзине добавилось несколько роз, прежде чем она неохотно произнесла:

– Он дома. Утром часа в четыре пришел.

Феба удивленно посмотрела на нее:

– Ты уверена? А мама знает?

– Абсолютно уверена, – проворчала Пенелопа. – Он так грохотал, когда ложился спать, что я проснулась и слышала, как били часы. Он был сильно пьян. Удивляюсь, как ты не проснулась. А что касается мамы... Тинсон знает, что Джеффри дома, и, я думаю, сейчас рассказывает маме о восхитительных угощениях, припасенных для нее.

– О боже! Бедная мамочка! – вздохнула Феба. – Как думаешь, это очень плохо, что мы так невнимательны к единокровному брату?

– Нет! – решительно ответила Пенелопа. – Джеффри – мерзкая скотина. Если учесть, как он мучает нашу маму, было бы удивительно, если бы мы его любили.

Феба грустно посмотрела на Пенелопу. Невозможно было поверить, что эта девочка, так уверенно двигавшаяся рядом с ней, только легонько касаясь ошейника собаки, практически слепая.

После тяжелого происшествия, случившегося четыре года назад, Пенелопа едва отличала свет от темноты да ощущала движение теней. В знакомой обстановке

она двигалась вполне уверенно, но наотрез отказывалась посещать увеселения сезона, объясняя тем, что предпочитает услышать обо всем от Фебы, чем перенапрягаться, общаясь с незнакомцами в различных местах. Она ездила в Лондон с родителями и Фебой, но все время оставалась дома, и почти никто не знал, что у Фебы есть сестра-близнец. Время от времени она посещала концерты, но всегда под вуалью, чтобы никто не узнал.

К тому времени, когда они набрали цветов, подошло время завтрака, и юные леди направились к дому. У боковой двери они встретили Тинсона, пожилого дворецкого.

– Помочь, мисс Пенни?

– Да, пожалуйста, Тинсон, мы займемся ими после завтрака. Мама спустилась? – спросила Пенелопа.

– Миссис Фолиот в буфетной с мисс Сарой. Она интересовалась, где вы. Я сказал, что вы в розарии и скоро вернетесь.

– Спасибо, Тинсон. Мы сразу идем к ним. Полагаю, мистер Джеффри еще в постели?

– Мистер Джеффри не подавал признаков жизни с тех пор, как лег в постель, – бесстрастным голосом ответил дворецкий, – и не выражал желания, чтобы его разбудили к завтраку.

– Вот и хорошо! – в унисон произнесли близнецы и рассмеялись над своей бестактностью.

Феба взяла Пенелопу под руку, и они пошли в буфетную.

Миссис Фолиот взглянула на старших дочерей и улыбнулась. Она очень огорчалась, что Пенелопа наотрез отказалась дебютировать в сезоне. Дебют же Фебы был очень успешным, и миссис Фолиот понимала, что глубокие личностные качества Пенелопы были бы более чем достаточными, чтобы преодолеть препятствия, вызванные недостатком зрения. Девочки были очень похожи. До того несчастного случая она сама путала их. Но теперь, несмотря на обычную

веселость, на лице Пенелопы временами появлялась отрешенность, – и, будто этого было недостаточно, чтобы различать их, она всегда ходила в сопровождении огромной собаки, которая стала верным проводником молодой хозяйки.

– Доброе утро, мама! Доброе утро, Сара! – хором воскликнули близнецы.

– Доброе утро, дорогие мои. Много роз распустилось? Мы должны хорошенько украсить гостиную для нашего гостя. Как думаешь, Феба? – сказала миссис Фолиот с улыбкой.

Феба покраснела, а Пенелопа хихикнула.

– Как не стыдно, мама, ты всегда заставляешь Фебу краснеть, и теперь тоже, – сказала она.

– Откуда ты все знаешь, Пенелопа? – рассмеялась Феба.

– Я же говорила тебе: чувствую. Температура в комнате сразу выросла на несколько градусов, – ответила Пенелопа, пока Гелерт вел ее к пустому креслу рядом с тринадцатилетней Сарой.

Завтрак прошел весело, без упоминаний о Джеффри и других неприятностях. Близнецы поняли, что миссис Фолиот не хочет ничего обсуждать в присутствии Сары, и ждали, сидя за чаем, когда Сара начнет упражняться в игре на фортепьяно.

Когда она ушла, миссис Фолиот вздохнула и сказала:

– Ваш брат сейчас дома. Тинсон мне сказал. Это чревато неприятностями. Но может быть, он долго не задержится. Нехорошо будет, если он придет прямо сейчас. Хотя, скорее всего, проспит за полдень. Во всяком случае, Уинтон хорошо знает нас и не обратит на это внимания. Феба, дорогая, сегодня утром пришла записка, в которой сказано, зачем он приезжает сегодня к нам. Он делает тебе предложение и просит у меня позволения обратиться с ним к тебе. Он очень добр и приглашает к себе Сару, Пенни и меня, если, как он написал, наша ситуация станет невыносимой. Но ты сама должна обдумать свой ответ,

моя дорогая.

Феба смотрела на мать так, будто не могла поверить в то, что слышит. Пенелопа с удовольствием обдумывала будущее сестры. Ричард Уинтон был близким другом семьи, родовитым аристократом и владельцем процветающего поместья в десяти милях от них. Внешне неброский, он был добр и, насколько Пенелопа понимала, уже два года влюблен в Фебу. И еще, к удивлению, один из очень немногих, кто без труда различал близнецов. Только за это Пенелопа благосклонно отнеслась бы к его предложению. Как-то в минуту откровенности она призналась матери: «Невыносима сама идея выйти замуж за мужчину, который может подумать, что ты – это твоя сестра».

Она рассеянно гладила Гелерта по голове, потом встала и обняла сестру:

– О, Феба! Ты будешь счастлива с ним. И останешься совсем близко, так что мы будем часто видеться. А сейчас иди и расставь цветы, пока он не приехал.

Феба ушла, что-то мурлыча себе под нос, а Пенелопа осталась.

– Ма, а ты не знаешь, почему Джеффри явился домой? – спросила она.

– Нет, моя дорогая. А почему ты спрашиваешь?

Пенелопа немного помолчала.

– Я проснулась и вышла в коридор, когда услышала, как хлопнула дверь. Мама, что-то нехорошее случилось. Он так бушевал из-за лорда Дарлстона, из-за какого-то долга. «Он же все заберет – глазом не моргнет!» – кричал он. Мама, как думаешь, Джеффри много денег потерял?

Миссис Фолиот побледнела, но старалась говорить спокойно:

– Можно предположить, что сколько-то денег он потерял. Может, даже много. Ты Фебе ничего не говорила?

Пенелопа покачала головой.

– Хорошо. Не будем портить ей сегодняшний день. Через час-другой придет Ричард, так что давай выбросим это пока из головы.

– Да, мама. А что ты знаешь о лорде Дарлстоне? Я его встретила однажды, когда мы с папой катались. Он мне не показался тем, кто ведет разгульную жизнь, как Джеффри.

– Когда же ты встретила лорда Дарлстона? – спросила мать. – Отец не говорил мне об этом.

– О! Лорд Дарлстон думал, что я Феба, а папа не поправил его, потому что я толкнула его ногой под дорожным пледом. Я поняла, что он познакомился с Фебой в «Олмаке». Так и было. Я потом спросила Фебу, и она сказала, что он – самый симпатичный джентльмен из тех, кого она там видела. Ну, это было до того, как она влюбилась в Ричарда, конечно.

Последние слова были добавлены абсолютно искренне.

– Пенни! – воскликнула мать, безуспешно пытаясь удержаться от смеха.

– Во всяком случае, тогда его светлость показался мне приятным. Да, и он восхищался Гелертом! Папа ничего тебе не сказал, потому что знал, ты рассердишься, что мы ввели в заблуждение графа. А Фебу я предупредила, вот и все. И еще, я встретила его на концерте.

Миссис Фолиот невольно улыбнулась. Восхититься Гелертом – верный способ понравиться Пенelope.

– Да, его светлость – приятный джентльмен, и я, конечно, рассердилась бы на вас, что вы его обманули, – заметила миссис Фолиот. – Я мало что знаю о нем, кроме того, о чем сплетничают в свете. Он – герой Ватерлоо, его первая жена сбежала с другим мужчиной, и он с тех пор избегает женщин, достигших брачного возраста. Да, я помню, он постоял с Фебой, но это на него совсем не похоже. Потом кто-то говорил мне, что он вновь собирается жениться, ради наследника. Никого такое решение не удивило, если принять во внимание, что иначе наследником может стать отвратительный Джек Фробишер.

Пенелопа рассмеялась:

– Боже! Мама! Ты же кладезь информации. Мне надо идти, посоветоваться с Сарой, что нам подарить невесте. Пойдем, Гелерт.

И они ушли, оставив миссис Фолиот горевать из-за физического недостатка дочери и очень правдоподобного проигрыша пасынка. Ее интересовало только, как много надо будет платить.

Они не были богаты. Сезон Фебы был оплачен из денег, оставленных близнецам крестной матерью специально для этих целей. Пенелопа настаивала, чтобы ее доля осталась для Сары. Миссис Фолиот с мужем согласились, потому что, несмотря на язвительность и показной смех, Пенелопу пугала мысль о том, чтобы бросить вызов угрожающему миру, который она не могла видеть. Миссис Фолиот вздохнула, сомневаясь, правильно ли сделали, позволив Пенелопе стать затворницей. Из слов дочери следовало, что одного совершенно незнакомого мужчину она встретила и он ей понравился.

Сдержанный стук в дверь прервал ее размышления.

– Войдите! – крикнула она.

Вошел Тинсон.

– Извините, мадам, но прибыл мистер Уинтон и хочет видеть вас. Он в гостиной.

– Хочет видеть меня? Тинсон, ты уверен?

– Мистер Уинтон думает, что ему следует вначале повидать вас, прежде чем он увидит мисс Фебу, – пояснил Тинсон.

Миссис Фолиот рассмеялась:

– О, Тинсон! Что бы мы делали без тебя? Я сейчас приду. Скажи мисс Фебе, если она в розарии, что я сейчас пришлю туда мистера Уинтона. И пожалуйста, попроси мисс Пенелопу занять Сару.

* * *

Ричард Уинтон встал, когда миссис Фолиот вошла в гостиную.

– Дорогой Ричард, я получила ваше письмо. Надо ли говорить, какой счастливой оно меня сделало?

– Миссис Фолиот, могу только сказать, что надеюсь быть достойным вашего доброго мнения и что отец Фебы тоже одобрил бы... И что, может быть, более важным... мисс Пенелопа одобрит?

– Конечно одобрит, – ответила миссис Фолиот. – Кроме Тинсона и их отца, вы единственный мужчина, для которого не составляет и малейшего труда различить девочек.

Ричард довольно хохотнул:

– Упаси господи того мужчину, который возьмет ее в жены. У него же и минуты покоя не будет!

Заметив внезапную тень на лице хозяйки, он сказал:

– Прошу простить меня за бестактность. Пенелопа все еще предпочитает жизнь затворницы? Мне Феба однажды сказала. Может быть, когда мы с Фебой поженимся, она поживет у нас и будет встречаться с новыми людьми? Вероятно, это поможет ей приобрести уверенность в себе.

Несмотря на то что миссис Фолиот сама обдумывала такой вариант, слова мистера Уинтона застали ее врасплох.

– Ричард, вы добрейший человек. Феба в розарии. Вам лучше пойти к ней. Ждем вас обоих к обеду.

* * *

Остаток дня прошел счастливо. Ричард оставался почти до вечера и уехал с большой неохотой, чтобы встретить сестру, которая приезжала погостить. Он и Феба должны были пожениться, как только закончится траур по ее отцу.

– Я бы хотел, чтобы мы поженились быстрее, любимая, – сказал он, целуя ее на прощание, – но общество неодобрительно относится к таким вещам, хотя отец наверняка рассердился бы на нас из-за чрезмерной добропорядочности!

Феба вплыла в гостиную, чтобы тут же опуститься с небес на землю, встретив единокровного брата. И в лучшие времена не отличавшийся привлекательной внешностью, Джеффри теперь страдал от излишеств минувшей ночи и выглядел особенно отвратительно. Небритый, с прилизанными соломенными волосами, с налитыми кровью глазами... Пенелопа как-то с отвращением сказала, что брат напоминает ей хорька, тощего и скользкого.

Казалось, высказанное ею мнение очень хорошо подходило к текущему моменту, если судить по тому, что Джеффри говорил.

– Полагаю, я могу выпить в своем доме без того, чтобы меня порицали сестры! К черту все это! Со мной все кончено. Во всяком случае, нечего читать мне проповедь в гостиной вашей матери. Она, кстати, не долго останется ее. Все это теперь принадлежит Дарлстону, чтоб он пода вился!

Повисло ошеломленное молчание.

– Сара, марш вверх! – потребовала миссис Фолиот.

– Ах, мама, она же все равно скоро узнает, – вздохнула Пенелопа. – Потрудись объясниться, братец!

– Не твое дело, детка!

– Мое! Сколько ты проиграл на этот раз? – зло спросила она, и Гелерт угрожающе зарычал, подстраиваясь под ее настроение, и Пенелопа крепко ухватила пса за ошейник.

– Убери его! – в панике закричал Джеффри. – Я видел, что он сделал с рукой Фробишера.

– Сколько? Джеффри! Или я его отпускаю!

– Пенни! – взмолилась мать.

– Тридцать тысяч. И он хочет их немедленно! – крикнул Джеффри, выскакивая из комнаты.

От ужаса миссис Фолиот и ее дочери не могли вздохнуть.

Молчание наконец нарушила Сара:

– Похоже, очень много денег за один вечер.

Добавить к этому было нечего.

* * *

Пенелопа встала рано после бессонной ночи. Феба пыталась уснуть, а Сара была еще маленькой, чтобы осознать все последствия случившегося. Пенелопа знала, что таких долговых обязательств Джеффри не мог осилить, и горела от стыда перед Дарлстоном.

Она вспомнила их короткие встречи. В первый раз он точно ошибся, приняв ее за Фебу. Он благодарил за танец, спрашивал, нравится ли сезон. А при второй встрече они говорили только о симфонии Моцарта, которую прослушали. Насмешливые нотки в его низком, хриловатом голосе понравились ей сразу. Описание Фебы, что он высокий, темноволосый, очень симпатичный, не могло сказать ей столько, сколько говорил привлекательный голос. Тот факт, что он оказался единственным, кто узнал ее под вуалью, произвел на нее глубокое впечатление. Человек, который мог узнать практически незнакомца, должен быть очень наблюдательным и проницательным.

Пенелопа решительно выбросила эти мысли из головы, заставив себя сконцентрироваться на том, что случилось. Как выплатить Дарлстону долг?! У них нет такой суммы. Все придется продать! Даже при этом денег, возможно, не хватит. Ее бесплодные размышления продолжались, пока не проснулась Феба, но ни одна из них не смогла придумать никакого честного способа выпутаться из ситуации.

Три девочки спустились к завтраку в подавленном настроении. Даже Сара поняла, что ситуация губительная. Они застали мать бледной и изнуренной.

– Доброе утро, дорогие, – усталым голосом сказала миссис Фолиот, безуспешно стараясь выглядеть спокойной.

Пенелопа нахмурилась:

– К черту Джеффри! Ты спала эту ночь, мама?

– Тшш, Пенни. Не надо так говорить, – ласково усмирила ее мать.

– Так ты спала? – настаивала Пенелопа, не обращая внимания на полученный выговор.

– Немного, – призналась мать.

– Похоже, Джеффри к завтраку не будет, – сказала Сара, усаживаясь. – Во всяком случае, было бы очень странно, если бы он спустился так рано.

– Что же нам делать, мама? – испуганно спросила Феба.

– Тебе не о чем волноваться, – улыбнувшись, сказала ее мать. – Ричард позаботится о тебе.

– Мама, как ты могла подумать, что я не стану заботиться о вас? – От негодования Феба разгорячилась, что было на нее не похоже. – Более того, если вас выбросят на улицу, я откажусь от предложения Ричарда! Я буду с вами!

Взрыв смеха сестры встретил такое решительное заявление.

– Ради бога! Феба! Я не так часто мечтала, чтобы вернулось зрение, но это я действительно хотела бы видеть – какое будет лицо у Ричарда, когда ты скажешь ему. Дурочка ты! Он отнесет тебя к алтарю, ты и пикнуть не успеешь. Но главное, мы будем ему помогать!

– Я уверена, до этого дело не дойдет, – прервала их мать. – Предлагаю оставить наш неприятный разговор и позавтракать.

Девочки сразу замолчали, не желая еще больше огорчать мать. Разговор о погоде, музыке, о том, разрешать ли Саре читать «Тайну Удольфо», не был очень-то веселым, но отвлекал от Джеффри и его бесчестья.

После завтрака Сару отослали в гостиную, заниматься своими обычными утренними упражнениями, а миссис Фолиот и близнецы навели порядок в столовой. Попутно они обсудили ситуацию и пришли к выводу, что им, может быть, удастся снять себе небольшой домик. Вдовья часть наследства миссис Фолиот была небольшой, но ее могло хватить на это.

Но все их планы рассыпались в прах, когда приехал Ричард Уинтон, и приехал он в неистовом гневе. Он без всяких обиняков сказал, что знает все. Его сестра приехала из Лондона, где только об этом и говорят.

– Элизабет слышала кое-что об этом деле и рассказала мне сразу, как приехала этой ночью. Каррингтон и Джордж Кастер заметили, как Джеффри мошенничал с костями, когда играл с Дарлстоном. И они разоблачили его публично. К несчастью, это было на балу у леди Биллингем. Естественно, разразился скандал. Джеффри должен был извиниться перед Дарлстоном, так как обвинил его в мошенничестве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/rollz_elizabet/pospeshnaya-zhenit-ba

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)